

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

© 2020 г. М. К. Горшков

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

E-mail: m_gorshkov@isras.ru

Поступила в редакцию 16.12.2019 г.

После доработки 16.12.2019 г.

Принята к публикации 16.01.2020 г.

В докладе представлены результаты комплексной социологической диагностики текущего состояния и динамики пореформенного российского общества и социальных последствий постсоветских трансформаций, начало которым было положено без малого 30 лет назад. Эмпирическую основу работы составляют данные многочисленных общенациональных социологических исследований, реализованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН на судьбоносных этапах реформирования социума, в том числе итоги девяти волн общероссийского мониторингового проекта РНФ “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах” (2014–2018) и их сопоставительный анализ. Социальная структура современного российского общества рассматривается с точки зрения стратификации респондентов по доходу, в модели которой население страны делится на три базовые группы. Наиболее массовая из них – медианная, демонстрирующая усреднённый стандарт жизни сегодняшней России. В качестве вызова государственной социально-экономической политике фиксируется наличие в стране значительной по численности страты малообеспеченных, к которым относятся уязвимые и нижние слои медианной группы населения.

Анализируется динамика массовых представлений россиян о причинах бедности и богатства в пореформенном российском обществе. Оценка уровня и качества жизни различных групп населения даётся с учётом показателей объективного и субъективного благополучия/неблагополучия, основанных на восприятии россиянами текущей социальной реальности. Делается вывод, согласно которому социальные результаты и последствия почти трёх десятилетий постсоветских трансформаций доказывают неадекватность модели рыночных реформ, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли, что проявляется, в частности, в предельном занижении роли государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач. Отсюда следует необходимость поиска ответа на вопрос, как повысить качество государственного участия в обществе в целом и в экономике в частности. Доказывается, что определяющим фактором обратного влияния на функционирование и развитие экономики выступают социальные отношения, и это актуализирует использование в управленческом процессе неэкономических, макросоциальных показателей, характеризующих социальное состояние общества в условиях конкретно-исторического периода его функционирования и развития. Анализ произошедших в российском социуме социальных изменений сопровождается формулировкой ряда постулатов.

Ключевые слова: российское общество, постсоветские трансформации, социальная структура, стратификация по доходам, малообеспеченность, бедность и богатство в пореформенной России, неравенство, справедливость, объективное благополучие, субъективное благополучие, массовое сознание, неэкономические факторы, постулат.

DOI: 10.31857/S0869587320030068

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ФНИСЦ РАН.

Фундаментальные проблемы развития современной России рассматриваются на разных уровнях организации жизнедеятельности общества, в различных дисциплинарных форматах и контекстах. Если вести речь об обращении при анализе трансформационных процессов к ресурсу социологической науки, то он, безусловно, должен использоваться в целях изучения и оценки социальных последствий постсоветских реформ. Такой подход достаточно очевиден, поскольку всё “социальное” как имманентно присущее лю-

бому виду человеческой деятельности, все виды и формы социальных взаимодействий людей, функционирования социальных институтов и есть целевой многомерный и многоаспектный объект теоретико-прикладной социологической науки¹.

Прежде чем обратиться к имеющимся работам изучения социального в период постсоветских реформ и выделить главное в его собственно социологическом анализе, необходимо подчеркнуть, что это главное заключено в определении самого предмета социологического анализа социального.

Как известно, понятие социального имеет несколько трактовок. В одном случае социальное, как понимал его К. Маркс, выступает стороной общественной жизни, которая раскрывает природу отношений людей друг к другу, к условиям и факторам их повседневного бытия, социуму в целом, а также к собственному положению и роли в нём. В другом, а именно в контексте совокупности всех видов общественных отношений, понятие социального оказывается тождественным понятию общественного, то есть весьма близким к трактовке общества в целом, причём во взаимодействии его сторон, различных свойств и особенностей складывающихся общественных отношений. И это в ряде случаев приводит к фактическому уравниванию понятий “социального” и “общественного”, а кто-то предпочитает рассматривать социальное в широкой (имеющей отношение к обществу в целом) и узкой (относящейся лишь к социальной сфере жизнедеятельности общества, обеспечивающей воспроизводство человеческого капитала) трактовках.

В целях преодоления данного противоречия в западной социологии, ориентированной на эмпирическое толкование социального, был введён термин “социетальный”. Этим термином, который прижился и в отечественной социологической науке, пользуются в тех случаях, когда даётся характеристика общества в целом — как системы сложившихся общественных отношений [6].

На что же, с учётом упомянутых понятийных хитросплетений, сочетающих и дифференцирующих общее и особенное в трактовке социального, должны ориентироваться социологическая наука, да и сам подход к социологическому измерению социального и интерпретации его результатов? На уровне теоретической социологии вполне оправданным представляется использование по-

нятия социального в контексте социетального. На уровне же эмпирических исследований, применения для измерения социального совокупности адекватных показателей требуется обращение к анализу способов, практик и результатов совместной деятельности индивидов и социальных групп; их интересов и смысложизненных ценностей, определяющих их взаимодействие, регулируемое государственными и общественными институтами и проявляющееся в массовых формах жизнедеятельности людей.

К сожалению, доступные широким слоям населения показатели социологического измерения социальных явлений и процессов, как правило, ограничиваются выявлением массовых суждений и оценок, а потому сама социологическая наука в умах многих наших сограждан воспринимается достаточно однобоко — исключительно как опросы общественного мнения. Вместе с тем ключевые показатели анализа социального включают в себя гораздо более широкий спектр его проявлений во времени и пространстве и неизбежно затрагивают помимо мнений и настроений знания и убеждения людей, их смысложизненные ориентации и установки, ценностные предпочтения, волевые побуждения, готовность следовать тем или иным социальным практикам и многое другое. Если же апеллировать к общественному мнению, то в исследовательском контексте оно может выступать не только как объект, но и как метод социологического анализа социальной реальности, так как через изучение конкретных мнений субъектов о тех или иных фактах, событиях, явлениях и процессах действительности выявляется и оценочно-ценностное отношение (его устойчивость, глубина, распространённость), которое они проявляют к объекту мнения разной для них важности, ценности, перспективной значимости.

Объём журнальной публикации не позволяет представить и тем более детально раскрыть даже наиболее важные в социологическом плане характеристики современного российского общества, произошедшие с ним за почти треть столетия трансформации и их социальные последствия. Поэтому прибегнем к постулатам — положениям (или допущениям), принимаемым в силу определённых соображений без доказательств, но, как правило, с обоснованием, служащим доводом в пользу их принятия. Отметим при этом, что в социологическом постулировании сокрыт особый смысл, поскольку истинно очевидное дополняется здесь репрезентативными социологическими данными.

Рассуждая о наиболее значимых изменениях, которые не только кардинально преобразили внешний облик пореформенного российского общества, но и опосредуют сегодня его сущност-

¹ Данный подход использован учёными Института социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг. в ходе реализации многолетнего проекта РНФ “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”. Результаты проекта представлены в пятитомной серии монографий [1–5].

Таблица 1. Основные слои российского общества по показателям его доходной стратификации, октябрь 2018 г., %

Слои	Доходы относительно медианы
Состоятельные	От 4 медиан* и более
Обеспеченные	От 2 до 4 медиан включительно
Среднедоходные	От 1.25 медианы до 2 медиан включительно
Медианная группа	От 0.75 до 1.25 медианы включительно
Уязвимые	От 0.5 до 0.75 медианы включительно
Бедные	От 0.25 до 0.5 медианы включительно
Глубокая бедность	До 0.25 медианы включительно

* Медиана — 15000 руб.

ные основания, обратимся прежде всего к анализу социальной структуры — несущей конструкции социума, определяющей устойчивость и движущие силы его развития наряду с назревающими в нём потребностями перемен.

Постулат первый. *За период постсоветских трансформаций российское общество установилось как качественно новая социально-экономическая, политическая и духовно-нравственная реальность. В её основе — кардинальное изменение социальной структуры общества.*

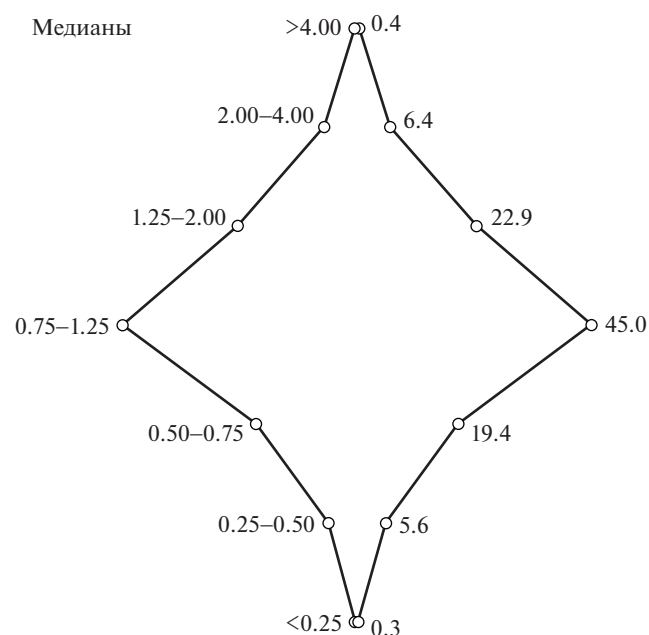

Рис. 1. Модель доходной стратификации российского общества, построенная на основе страновой медианы, октябрь 2018 г., %

Социальная конструкция общества анализируется в социологии с разных точек зрения. В настоящее время наиболее актуальной представляется *доходная стратификация*, позволяющая понять, какие слои населения страдают от экономического кризиса в первую очередь, и имеющая принципиальное значение для разработки адекватных целей социальной, налоговой, инвестиционной и иных направлений государственной политики. Обращение к этому показателю позволяет ответить на вопрос, сложилась ли в России за 30-летие кардинальных преобразований устойчивая модель доходной стратификации и каков вектор её дальнейшего изменения.

В методическом плане модель доходной стратификации строится на основе двух подходов — *абсолютного* (предполагающего, что границы между доходными группами задаются априорно, как некая сумма денежных средств) и *относительного* (исходящего из того, что основой доходной стратификации выступает медиана распределения доходов, отражающая существующий в конкретном социуме “усреднённый” стандарт жизни). Обращаясь к широко востребованному среди социологов относительному подходу, который позволяет дифференцировать людей, не способных поддерживать принятый в обществе уровень жизни, и тех, у кого этот уровень значительно выше стандартного, учитывая данные официальной статистики, а также результаты мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН, ведущие специалисты последнего выделяют *семь основных доходных групп*, представленных в современной России [7] (табл. 1).

Не стоит удивляться низкому в денежном выражении показателю медианной группы, поскольку, по данным Росстата, в апреле 2019 г. половина россиян зарабатывала менее 35 тыс. руб. в месяц [8]. При этом медиана доходов не менялась в России уже несколько лет. Не изменилась она и в период кризиса 2014–2016 гг., и в посткризисные годы, хотя средние доходы наших сограждан за это время несколько выросли. Это означает, что основная масса российского населения имеет доходы практически те же, что и до последнего кризиса.

В целом модель доходной стратификации российского социума довольно симметрична относительно медианы (рис. 1). Это даёт основание утверждать, что *в настоящее время российское общество является обществом среднедоходных слоёв*, а фактически население страны делится на три группы. *Первая* объединяет россиян разного уровня бедности и составляет чуть более четверти наших сограждан. *Вторая*, она же собственно медианная, — наиболее массовая и охватывает 45% российского населения, а её представители демонстрируют усреднённый стандарт жизни со-

временной России. Третья группа объединяет около 30% относительно благополучных в материальном смысле россиян, доходы которых заметно выше страновой медианы распределения доходов.

Постулат второй. *Серьёзным вызовом государственной социально-экономической политике является наличие в стране не только большой доли бедных, но и значительной по своей численности stratum малообеспеченных, к которым относятся уязвимые и нижние слои медианной группы населения.* При первых же признаках новых кризисных ситуаций последние могут сползти в бедность, поскольку не имеют никакого запаса прочности в плане как наличного имущества, так и сбережений.

При замедленном росте текущих доходов положение малообеспеченных по реально значимым для поддержания уровня жизни параметрам в последние годы ухудшилось, а использование ими необходимых для пополнения человеческого капитала социальных (особенно платных) услуг сократилось. Доходы малообеспеченных россиян тратятся в основном на питание, одежду и приобретение недорогих товаров длительного пользования, а их экономическое поведение отличается пассивностью. Они изначально находятся в худших стартовых условиях: вырастают в менее образованных семьях, среди них выше доля тех, кто прошёл первичную социализацию в малых городах и сёлах. В результате уровень их образования оказывается ниже, чем у представителей благополучных слоёв, но даже при формально одинаковом уровне образования они располагают меньшим человеческим капиталом. Меньше у малообеспеченных и возможностей дополнительной занятости, которая могла бы улучшить их положение за счёт собственных усилий. Всё это способствует развитию у данной группы россиян пессимистических умонастроений и не стимулирует её представителей к активным действиям.

В целом малообеспеченные слои концентрируются сегодня в так называемой “малой России” с её узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на любую работу и зарплату, где развитый человеческий капитал пока не востребован в массовом масштабе. Альтернатив у данных типов поселений в нынешней социальной реальности нет.

Результаты многолетних социологических наблюдений ФНИСЦ РАН позволяют оценить текущее состояние и динамику массовых представлений россиян о причинах бедности и богатства в пореформенном российском обществе. Понятно, что в современной России как богатые, так и бедные не изолированы от остального общества и, образно говоря, варятся в общем котле. Примечательно, что только у 35% наших сограждан среди

их ближайшего окружения нет представителей богатых слоёв. Учитывая, что речь идёт о полярных группах общества, столь развитая система контактов между ними свидетельствует о незавершённости формирования жёстких границ между различными социальными слоями и напоминает ситуацию начала 2000-х годов [9].

За период 2003–2019 гг. бедные и богатые слои российского населения стали более артикулированными и обрели явные характерологические признаки. Так, бедность коррелирует с плохой материальной обеспеченностью, низким уровнем образования, проживанием в городской провинции, а также пожилым возрастом. Что же касается богатых слоёв населения, то они формируются за счёт сильных социально-демографических групп, то есть хорошо материально обеспеченных, высокообразованных, проживающих в мегаполисах, а также более молодых россиян.

Основные причины бедности кроются, по мнению наших сограждан, в макроэкономических процессах. Иными словами, их источник — “плохая” политика, проводимая государством (подобное видение ситуации фиксировалось ещё в 2003 г.). В то же время определённую роль играют и личностные характеристики бедных (табл. 2). При этом ключевые фигуры процессов общественного расслоения — сами бедные и состоятельные — занимают диаметрально противоположные позиции: первые убеждены, что истоки бедности заключены в экономической ситуации в стране, усугубляемой неблагоприятными жизненными обстоятельствами, вторые усматривают корни проблемы в личностных качествах бедных.

Большинство россиян толерантны в отношении представителей богатых слоёв населения. Во многом это объясняется массовыми представлениями о причинах их материального благополучия. Наличие связей, деловая хватка, упорный труд, умение использовать все шансы и немного везения — вот пять базовых, с точки зрения основной массы опрошенных, слагаемых успеха богатых ныне сограждан. Причём с течением времени рейтинг истоков материального благополучия трансформируется в сторону большего внимания личным трудовым усилиям. Вместе с тем при всей позитивности указанного набора причин в него всё ещё не входит фактор высокого и качественного образования, а значит, понимание его важности с точки зрения социальной мобильности не сформировано, недостаточной остаётся и отдача этого компонента человеческого капитала (табл. 3).

В целом можно констатировать следующее:

- во-первых, в восприятии россиян бедность продолжает связываться с макроэкономическими проблемами, ответственность за решение которых несёт государство;

Таблица 2. Динамика представлений россиян о причинах бедности людей из их ближайшего окружения, 2003–2019 гг., % от имеющих бедных в своём окружении

Причина	2003	2013	2015	2019
Длительная безработица	41	41	31	39
Алкоголизм, наркомания	35	39	39	36
Болезнь, инвалидность	37	40	35	34
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	47	19	23	28
Недостаточность государственных пособий в рамках соцобеспечения	37	32	25	27
Семейные неурядицы, несчастья	25	31	29	24
Лень, неприспособленность к жизни	23	23	31	24
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18	18	22
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17	13	21
Плохое образование, низкая квалификация	23	21	19	17
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых, одиночество	20	20	15	16
Низкий уровень жизни родителей	21	19	13	13
Наличие большого числа иждивенцев	17	20	10	13
Им просто не везёт	14	13	10	8
Они мигранты, беженцы	6	4	5	4

Примечание: респонденты могли дать не более пяти ответов; ранжировано по данным 2019 г.; серым выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2019 гг. составила не менее 5 процентных пунктов; жирным шрифтом выделены пять наиболее важных причин бедности в каждом отдельном опросе.

Таблица 3. Динамика представлений россиян о причинах благополучия богатых слоёв населения, 2003–2019 гг., % от имеющих богатых в своём окружении

Причина	2003	2015	2019
Наличие полезных и нужных связей	67	52	53
Наличие деловой хватки	68	60	45
Они много и упорно работают	31	29	40
Умение использовать выпавший шанс	44	27	35
Везение	35	35	30
Наличие ранее накопленных сбережений	30	27	27
Высокий уровень образования и квалификации	26	34	23
Возможность брать взятки	21	12	14
Непорядочность, нечестность	17	8	10
Наличие связей в криминальных кругах	16	8	8

Примечание: респонденты могли дать не более пяти ответов; ранжировано по данным 2019 г.; жирным шрифтом выделены три наиболее важные причины благополучия богатых в каждом отдельном опросе.

• во-вторых, отношение наших сограждан к богатству постепенно становится более позитивным и приближается к философии *self-made man*. Однако завершению этого процесса мешают низкая отдача на человеческий капитал и несформированность в связи с этим необходимых в современном обществе трудовых и образовательных ориентаций.

Обращение к стратификации российского общества по доходам позволяет получить картину объективного благополучия и объективного неблаго-

получия разных слоёв наших сограждан. Однако в последние годы в среде отечественных обществоведов всё чаще говорят о важности и необходимости оценки качества жизни через измерение субъективного благополучия населения.

Отсюда постулат третий. *Нельзя получить полную картину качества жизни людей, ориентируясь только на объективные экономические показатели доходов, расходов и потребления. Важнейшей и неотъемлемой характеристикой качества жизни яв-*

ляются показатели субъективного благополучия и субъективного неблагополучия.

Правомерность данного постулата объясняется тем, что удовлетворённость жизнью формируется исходя не только из экономических, но и ряда других — культурных, социально-психологических, физических — аспектов, а также под влиянием тех рисков и ограничений, с которыми сталкиваются индивиды и домохозяйства. Как показывают многолетние исследования, один и тот же уровень доходов может опосредовать разное личностное восприятие качества жизни.

Поскольку отечественные реформы пришлось на трудные в плане экономических условий годы, оценки субъективного благополучия наших граждан стали приобретать не меньшее значение, чем объективные показатели их уровня жизни. Именно поэтому возникают весьма актуальные вопросы, требующие ответов с эмпирическим подтверждением: как население воспринимает социальную действительность? какие основные проблемы выделяет? как в условиях текущей повседневности оценивает степень удовлетворённости различными аспектами собственной жизни? Соответствующая информация позволяет определить долю субъективно благополучного и субъективно неблагополучного российского населения, соотношение этих групп в преддверии 30-летнего рубежа социальных трансформаций в стране.

В целях выделения групп субъективно благополучных и неблагополучных россиян учёные ФНИСЦ РАН используют кластерный анализ, учитывающий 19 показателей, связанных с удовлетворённостью либо неудовлетворённостью различными аспектами жизни. *Первый кластер* можно назвать субъективно благополучным: половине из всех аспектов жизни, подлежащих социологическому измерению, входящие в него респонденты ставят оценку “хорошо”. Из рисунка 2 следует, что он объединяет почти четверть наших сограждан. *Второй кластер* — субъективно неблагополучных россиян — отличается наиболее низким уровнем положительных и высокой долей негативных оценок, но с доминированием оценок удовлетворительных. Данный кластер охватывает 35% населения. Наконец, *третий кластер* можно назвать промежуточным: он характеризуется преобладанием положительных оценок, но главным образом по базовым аспектам повседневной жизни, и объединяет 41% наших сограждан. Исходя из полученных данных, можно констатировать: субъективное благополучие россиян выражается в высоких оценках их удовлетворённости практически всеми основными аспектами собственной жизни, а субъективное неблагополучие — в ярко выраженной неудовлетворённости своим материальным положением, доступностью

Рис. 2. Доля субъективно благополучных и неблагополучных россиян, октябрь 2018 г., %

качественной медицинской помощи и возможностями отдыха в отпускной период.

Примечательно, что субъективно благополучные россияне — жизненные диалектики. Они оценивают ситуацию в стране не только в сугубо позитивном контексте, фиксируя в ней и ряд серьёзных проблем. Вместе с тем, в отличие от субъективно неблагополучных респондентов, они чаще отмечают положительные тенденции развития страны: наличие шансов для осуществления карьеры и роста заработка, возможностей для продвижения в профессиональной сфере, реализации жизненных планов и т.п., которыми они сами, видимо, смогли воспользоваться. Поэтому даже с учётом признания явных болевых точек российского социума, которые отмечают практически все опрошенные (рост цен, отсутствие социальной защищённости, коррупция, избыточное неравенство, снижение качества организации здравоохранения), мнения представителей субъективно благополучной части россиян о перспективах России оказываются более позитивными.

Несмотря на количественные различия в доле полярных кластеров, их качественный состав характеризуется преобладанием представителей медианной доходной группы — доминирующей в стране группы населения. По сути, это означает, что одинаковый уровень доходов может по-разному соотноситься с пространством жизненных шансов людей, что приводит к различиям в оценках ими степени своего субъективного благополучия. В конечном счёте оно оказывается в большей степени связано с оценкой собственного материального положения, чем с уровнем доходов как таковым.

Локализация территориальных зон субъективного благополучия и субъективного неблагополучия не совпадает. Например, с точки зрения

пространственного распределения выделяются мегаполисы: в них в полтора раза выше доля представителей субъективно благополучного кластера и настолько же ниже доля субъективно неблагополучного. Иначе выглядит ситуация в посёлках городского типа: здесь доля представителей субъективно неблагополучного кластера превышает долю представителей благополучного в 3 раза.

В целом же субъективное благополучие характерно для более молодых представителей российского среднего класса, проживающих в крупных городах, в то время как в группу субъективно неблагополучных входят пожилые россияне и представители рабочего класса, в том числе и так называемый “новый” рабочий класс, объединяющий работников рутинного, не требующего высокой квалификации труда, особенно в сельской местности.

Постулат четвёртый. *Наиболее резкое массовое недовольство россиян связано с чрезмерной глубиной неравенства в распределении собственности и доходов. При этом решающую роль в оценках наших сограждан играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, являющиеся социокультурной нормой, характерной для российского общества.*

Можно констатировать, что в современной России массовые реакции на социальное неравенство исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, приобретая характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, в том числе распределением собственности и доходов. Протест с индивидуального уровня переходит на макроуровень, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом.

Проблема легитимизации социального неравенства в современной России и преодоления недовольства сложившейся в стране ситуацией связана не столько с уровнем заработной платы бюджетников или пенсий, сколько с потребностью в изменении правил игры, необходимостью учёта представлений о справедливости — краеугольных для российского национального самосознания. Основанием легитимности различий в получаемых благах выступает, по мнению россиян, труд, справедливое распределение по труду, а не близость к власти или умение заполучить бюджетные привилегии.

Одно из важнейших проявлений социального неравенства в повседневной жизни наших сограждан — это владение недвижимостью. По данным исследований, около 60% населения России не имеют одновременно ни недвижимости (помимо жилья, в котором проживают), ни сбережений (при этом каждый второй из них обременён

разного рода долгами). Отсюда следует, что большинство россиян не располагают практически никакими экономическими ресурсами, а уровень их жизни определяется в основном особенностями текущих доходов и расходов.

Вместе с тем социальное неравенство в пореформенной России не сводится исключительно к неравенству доходов, но проявляется в разном качестве отдельных аспектов жизни — здоровья, социально-психологического состояния, возможностей самореализации, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, а также восприятия жизни в целом.

Анализ многолетних рядов данных свидетельствует, что трудности и неудачи повседневной жизни таят в себе угрозу обособленности, изолированности от других людей. Это очень тревожная тенденция, идущая вразрез с представлениями о том, что россияне непременно справятся с любой ситуацией за счёт исторически сложившейся традиции взаимопомощи, особенно очевидной в провинции. Установлен социологический факт: *ресурс социального капитала, социального взаимодействия играет огромную роль в формировании и воспроизводстве неравенства.* Однако большинство сложившихся каналов социальных связей носит неформальный характер, в чём и проявляется явное недоверие значительной доли россиян формальным институтам.

Несмотря на огромную роль неформальных социальных связей в практическом выживании, около 20% населения России полностью их лишены. Если вдуматься, это огромная цифра, поскольку за ней стоят одиночество и изолированность почти двух десятков миллионов российских граждан, не получающих со стороны ближайшего окружения даже простой психологической поддержки. Поэтому правы те эксперты, которые призывают признать одной из основных задач социальной политики не только материальную помощь нуждающимся, но и выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения, в том числе и в межрегиональном пространстве современной России.

Постулат пятый. *Социальные результаты четверти века российских трансформаций доказали неадекватность постсоветским реалиям той модели рыночных реформ, которая была заимствована (особенно в 1990-е годы) из арсенала западной теоретической мысли и, в сущности, предельно занижала роль государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач.*

Подчеркнём, что указанная неадекватность подтверждается не только крайне негативными социальными последствиями 1990-х годов, но и последствиями глобального экономического кризиса 2009–2010 гг., положившего начало пе-

реосмыслению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе: “Главный урок посткоммунистической трансформации определён заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку” [10, с. 14].

Место и роль государства в экономической и социальной сферах являются для российских граждан своего рода несущей конструкцией мироприятия. Формирование в последние годы общественного запроса на перемены оказалось связано именно с установкой на активизацию государственного участия в решении задач преодоления глубокого и неоправданного экономическими причинами имущественного расслоения населения, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечения достойного уровня развития культуры, науки, образования, здравоохранения. Тем самым *для большинства россиян вопрос вопросов состоит не в том, сколько — много или мало — должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении качества государственного участия в управлении экономической, социальной и культурной сферами.*

Означает ли это, что большинство российских граждан выступают за возврат к огосударствлению всего и вся? Нет, не означает. Как показывают исследования, у них отсутствует антагонизм к рыночной экономике как таковой. Не воспринимается ими та её модель, которая сложилась в России за годы реформ. Причём не только потому, что многие считают себя проигравшими в процессе её утверждения, но и потому, что действующая модель рынка, с точки зрения россиян, наносит ущерб интересам государства и общества. Полагая, что все отрасли стратегического характера (электроэнергетика, добывающие отрасли, транспорт и т.п.) должны оставаться в руках государства, в ряде других отраслей, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство населения допускает доминирование смешанной экономики. Прежде всего это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой информации, дорожному строительству, финансовой сфере, пищевой промышленности.

Таким образом, хотя доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство выступает за смешанную экономику, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного

Таблица 4. Динамика отношения россиян к частной собственности, 1990–2019 гг., %

Характер отношения	1990	2005	2019
Положительное	45	52	41
Нейтральное	29	24	36
Отрицательное	24	16	11
Затруднились ответить	2	8	12

согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. По сути, это напоминает модель НЭПа 20-х годов прошлого века, которая, видимо, дала в своё время колоссальный экономический эффект благодаря тому, что во многом соответствовала социокультурным и психологическим особенностям народа.

Согласно исследованиям ФНИСЦ РАН, представления о желаемом типе социально-экономического устройства страны, как и представления о роли государства в экономике в целом и в её конкретных отраслях, разделяются большинством россиян во всех демографических и социально-профессиональных группах. Более того, подобные представления остаются весьма устойчивыми, хотя по отдельным аспектам могут видоизменяться под влиянием нового опыта. А это означает, что в ближайшие годы не следует ожидать существенного изменения позиций наших сограждан в данном вопросе.

Следует особо подчеркнуть: россияне не фетишизируют нынешнее российское государство, напротив, относятся к нему весьма критически. Легитимны и одобряемы ими только такие государственные институты, которые ставят на первое место не интересы государственного аппарата, бюрократии, а интересы главной общности, определяемой понятием “народ”.

Как показывают исследования, для большей части наших сограждан не характерен антагонизм в отношении частной собственности [11, 12], о чём свидетельствуют данные таблицы 4. В то же время нельзя не заметить довольно существенную и несколько увеличившуюся долю населения, настроенного нейтрально, а также заметно пополнившиеся ряды тех, кто затрудняется в своих оценках. Но нельзя не заметить, что доля россиян, выражающих негативное отношение к частной собственности, сократилась за последние 30 лет более чем вдвое.

В таблице 4 приведены обобщённые данные по населению в возрасте 18 лет и старше. Если же говорить о молодёжи, она настроена в отношении частой собственности более оптимистично. Однако, как свидетельствует покогортный анализ, по мере взросления эта установка постепенно сменяется нейтральным восприятием данного института. Кроме того, в середине 2000-х годов

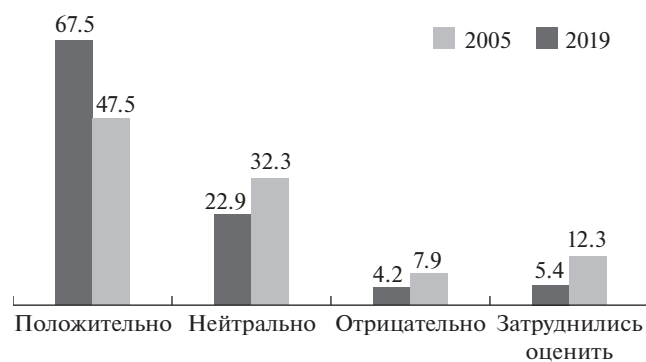

Рис. 3. Динамика отношения к институту частной собственности россиян, кому в 2005 г. было менее 25 лет, а в 2019 г. – 31–40 лет, 2005–2019 гг., %

молодые россияне были настроены в отношении него гораздо позитивнее, чем в настоящее время. Всё это не позволяет рассчитывать с течением времени на улучшение отношения россиян к частной собственности как одному из ключевых институтов обществ рыночного типа (рис. 3).

На этом фоне растёт запрос населения на централизованное регулирование экономики государством. Число сторонников такого подхода в настоящее время превышает треть, что примерно в полтора раза больше, чем в середине 2000-х годов. Вместе с тем подобная позиция и сегодня не поддерживается большинством россиян. В целом можно сказать, что сейчас у наших сограждан отсутствуют чёткие представления о том, в чём должна состоять роль государства в экономике. Скорее, в этой области царят “разброд и шатания”. Видимо, в общественном сознании формируется некая новая модель, характерной особенностью которой должна стать активизация государства в сфере экономических отношений.

За процессом массового переосмысления государственного участия в экономике стоит разочарование россиян в рыночных механизмах, в способности экономической системы к саморегулированию и саморазвитию без активного вмешательства государственных институтов. Следствием подобных изменений выступает резкое сокращение числа тех, кто считает, что России нужна такая модель государства, которая расширит экономические и политические возможности граждан за счёт усиления частного сектора экономики. А значит, в настоящее время население страны связывает свои ожидания относительно подъёма и процветания социально-экономической сферы общества в большей мере не с частным, а с государственным сектором.

Постулат шестой. *Несмотря на радикальную трансформацию всей системы общественных отношений, социокультурные основания, определяющие общий склад сознания российских граждан, из-*

меняются достаточно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надёжную трансляцию базовых ценностных ориентаций.

Как показывают многолетние исследования ФНИСЦ РАН, смысложизненные установки, которые выделяются среди доминант массового сознания, характеризуют типичного россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями, склонного к автономности, усматривающего своё призвание не только в приумножении благ, но и в жизни в атмосфере уважения, свободы и достоинства.

Основные слои населения отличаются выраженными достигательными установками, в особенности в той их части, которая обеспечивает наиболее типичную для россиян идеальную модель жизни. Подобная модель может быть описана следующей формулой: “*любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других*”. Эта модель включает, кроме того, достойное образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами.

Для большинства россиян не характерна приверженность таким ценностям, как власть, известность, желание попасть в статусный круг или иметь собственный бизнес. Однако динамика ценностей наших сограждан за последние 15 лет говорит о том, что постепенно эти ориентации набирают всё большее число сторонников, а такая базовая для многих российских граждан сфера их жизни, как работа постепенно утрачивает своё значение в качестве важной формы творческой самореализации и способа общения, приобретая всё более инструментальный характер (работа как способ заработка).

Ещё один важный социологический факт, имеющий отношение к шестому постулату. Если в 1990-е годы около половины респондентов (47%) продолжали идентифицировать себя с “советским народом” и только немногим более трети (38%) – с гражданами России, то уже к 2013–2015 гг. представление “*мы – граждане России*” стало восприниматься как русскими, так и людьми других национальностей практически в равной степени, а гражданская идентичность оказалась характерной для более чем 80% населения страны [13].

Следует особо отметить, что при сопоставлении гражданской и этнической идентичности выявляется знаковый показатель: *именно государственность, русский язык и общая территория являются основаниями устойчивой совмещённости идентичности этнической и гражданской.*

Постулат седьмой. *Социальное – определяющий фактор, мощный драйвер обратного влияния на функционирование и развитие экономики. Это влияние реализуется через экономически активную часть населения, воздействие неэкономических факторов на экономический рост.*

В последние годы данная тенденция выражается в росте доли самодостаточных россиян, активизации в кризисных условиях самоиницирующихся массовых практик экономического поведения разных групп населения, направленных на поддержание своих домохозяйств. Тем самым развитие экономики происходит не изолированно от процессов, протекающих в других сферах общественной жизни, прежде всего социальной и социокультурной, а в тесной связи с ними. А по-сему любые модели экономического роста, исходящие исключительно из количественной стороны развития экономической системы, характеризующейся расширением её масштабов, следует считать крайне ограниченными и неэффективными.

Экономическая практика и её анализ с применением социологической диагностики показывают: экономические и неэкономические факторы экономического развития обладают определённой асинхронностью в масштабах и глубине действия в разных фазах экономического цикла. В период экономического роста роль и значение экономических факторов возрастают, в то время как влияние неэкономических факторов оказывается ограниченным. В периоды же экономического спада, наоборот, роль неэкономической составляющей усиливается.

Признавая значимость социально-культурных факторов экономического роста, следует согласиться и с необходимостью использования в управленческом процессе наряду с макроэкономическими показателями и *макронеэкономических показателей*. Речь идёт о показателях, которые характеризуют социальное состояние общества в условиях конкретно-исторического периода его функционирования и развития. Такого типа показатели целесообразно именовать *макросоциальными*, отражающими через социологическую диагностику состояния общества вклад его макросоциального ресурса в поступательное экономическое развитие. В их число должны входить показатели не только объективного, но и субъективного благополучия и неблагополучия населения.

Определение совокупности адекватных макросоциальных показателей состояния и развития современного российского общества актуализирует мониторинговое изучение и осмысление пореформенных процессов. Социологическая диагностика свидетельствует: *никогда российское общество не было так дифференцировано, сегментированно и разнородно, как в настоящее*

время, причём практически по всем ключевым основаниям, включая:

- уровень материальной обеспеченности;
- группы интересов;
- мировоззренческие и идейно-политические ориентации;
- ценностные и смысложизненные установки;
- психоэмоциональное состояние;
- позиционирование себя вне личностного и семейного пространства;
- культурные предпочтения;
- образ жизни и отношение к национально-историческим традициям и др.

Плюс это или минус с точки зрения поступательного развития общества? С диалектических позиций, безусловно, плюс, поскольку разнообразие является одним из источников и движущих сил развития. Другой вопрос, как подобная фрагментация общества должна учитываться при разработке управленческих решений, совершенствовании государственных и общественных институтов, в какой мере она принимается во внимание в настоящее время?

В заключение сформулируем общий вывод. За последние два десятилетия пореформенная Россия не просто встала на ноги – она самоопределилась и активно самоутверждается. Российская Федерация приобрела собственную субъектность, причём не только на внешнеполитической арене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.

Всё это говорит о собирании в нынешней России, в дополнение к финансово-экономическому, огромного социального и психологического ресурса для осуществления модернизационного прорыва, в котором крайне нуждается российское общество. И если система государственного управления не имеет права упустить этот исторический шанс, призвана всемерно использовать имеющийся потенциал, то для социологов как социальных аналитиков мониторинговое и комплексное отслеживание эффективного использования ресурсов составляющих модернизации современной России – дело профессиональной чести и гражданской ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2015.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2015.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2016.

4. Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2016.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2017.
6. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
7. *Тихонова Н.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др.* Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
8. Половина россиян зарабатывают менее ₹35 тыс. в месяц: Росстат представил статистику зарплатного неравенства в России / Информационное агентство “РосБизнесКонсалтинг”. <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2019/5d3039e39a79476266abb143> (дата обращения 06.08.2019).
9. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.
10. *Богомолов О.Т.* Неолиберализм – тормоз модернизации. Российский опыт // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 5(91). С. 12–17.
11. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006.
12. И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... / Под общ. ред. академика РАН М.К. Горшкова и члена-корреспондента РАН Г.А. Тосуняна. М.: Новые печатные технологии, 2019.
13. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.